

Внешняя политика — цель или средство?

Сама по себе постановка вопроса таким образом заключает в себе логическую ловушку для тех, кто ставит внешнюю политику как самоцель любой государственной деятельности.

По моему глубокому убеждению, всякая политика, которая осуществляется Российским Государством определяется двумя статьями основополагающего законодательного акта нашей страны — Конституции: статьей 2 и статьей 3.

Согласно Ст. 2. «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства»

Согласно Ст. 3. «1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. 2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления».

Исходя из этого, мы можем заключить, что основной целью всех органов власти России, в число которых входят и органы, осуществляющие внешнюю политику, является «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина». В том числе, и на международной арене.

В свое время, исследователи-«международники» советской генерации (тот же самый В.П. Потемкин) были склонны рассматривать дипломатию, как концентрированное выражение внутренней политики России. И это подразумевает не только единство принципов внутренней и внешней политики, а и феномен «внутренней политики» направленной вовне. В данной интерпретации внешняя политика становится своеобразным инструментом государства, позволяющим решить внутренние проблемы страны путем взаимодействия с иностранными государствами.

Яркий пример такой подхода явилась политика Советского Союза накануне Второй мировой войны, когда для обеспечения индустриального развития страны, руководство СССР шло на ситуационные союзы, надоподобии пресловутого «Пакта Молотова-Риббентропа». Ни для кого не является секретом, что за счет данного «пакта» было отодвинуто начало войны, а за счет германо-советского индустриального и научного сотрудничества удалось поднять технический уровень нашей промышленности.

Был и более ранний пример. Пример «Великого посольства» Петра Первого, который благодаря расширению внешнеполитических связей сумел привезти в страну новые технологии, специалистов-технарей и создать условия для преодоления технической отсталости Московского Царства. Это был как раз тот пример, когда внутренняя политика, логика внутреннего развития государства требовала поиска новых международных связей, развития инструментария внешнеполитического взаимодействия.

В то же время, не следует сводить роль внешней политики к роли служанки внутренней политики. Это было бы слишком просто. Тот же самый Советский Союз на протяжении всех 30-х гг. во внутренней политике руководствовался концепцией «осажденной крепости» и чувством предверия новой войны. Именно во имя отражения внешних угроз, подготовки к новым ударам, руководство СССР во главе с И.Сталиным проводили ускоренную индустриализацию, шли на вынужденные межгосударственные альянсы и, более того, именно внешнеполитические мотивации становились одними из легитимизирующих факторов массовых репрессий и «чисток».

Мы более склонны рассматривать внешнюю и внутреннюю политику в их тесном симбиозе, взаимозависимости. Во многом, теоретическую основу для этого дает миросистемный подход И. Валлерстайна и Ф. Броделя, которые были склонны рассматривать межгосударственные взаимоотношения в контексте системного развития регионов. Ведь та или иная внешняя политика государства определяется во многом не только логикой внутреннего развития страны и народа, проживающего в ней, а и логикой всего регионального или глобального развития. И несомненно, в этом контексте, существуют широкие просторы для множественности интерпретаций поставленного вопроса.